

Тиличев А.Д.

**Гуманизм и национализм
Достоевского**

**Заметки о Достоевском и
славянофильстве**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-3
ББК 84-4
А11

А11 **А.Д. Т.**
Гуманизм и национализм Достоевского: Заметки о Достоевском и славяно-фильстве / Тиличсеев А.Д. – М.: Книга по Требованию, 2023. – 66 с.

ISBN 978-5-519-76659-3

ISBN 978-5-519-76659-3

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2023

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2023

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

Г Л А В А I.

Политическіе противники Достоевскаго.

Милый другъ, я умираю
Оттого, что былъ я честенъ,
Но за то родному краю
Вѣрно буду я извѣстенъ.
Милый другъ, я умираю,
Но спокоенъ я душой,
И тебѣ благословляю:
Шествуй тою-же стезей.

Добролюбовъ.

Эти слова Добролюбова лучше всего поставить въ началѣ сочиненія о Достоевскомъ, ибо *честенъ онъ былъ*; — это прежде всего надо сказать о немъ. Это признали всѣ, — даже литературные противники его. Добролюбовъ слѣдующимъ образомъ отзывался о произведеніяхъ Достоевскаго: «въ нихъ мы находимъ одну общую черту, болѣе, или менѣе замѣтную во всемъ, что онъ писалъ: это — боль о человѣкѣ, который признаетъ себя не въ силахъ и наконецъ даже не въ правѣ быть человѣкомъ настоящимъ, полнымъ, самостоятельнымъ человѣкомъ, самимъ по себѣ. «Каждый человѣкъ долженъ быть человѣкомъ», — вотъ идеалъ, сложившійся въ душѣ автора, помимо всякихъ условныхъ и парціальныхъ воззрѣній, повидимому, даже помимо его собственной воли и сознанія, какъ-то а priori, какъ что-то составляющее часть его собственной натуры. И между тѣмъ, вступая въ жизнь и оглядываясь вокругъ себя, онъ видитъ, что исканіе человѣка сохранить свою личность, остаться самимъ собою, никогда не удается, и кто изъ ищущихъ не успеетъ рано умереть въ чахоткѣ, или другой изнурительной болѣзни, тотъ въ результатѣ достигаетъ только — или до ожесточенія, нелюдимства, сумасшествія, или до простаго тихаго отупѣнія, заглушенія въ себѣ челоѣческой природы, до искреще-

ного признанія себя чѣмъ-то гораздо ниже человѣка. Есть много такихъ, которые даже какъ-будто рождаются съ этимъ послѣднимъ сознаніемъ, которыхъ мысль о своемъ человѣческомъ значеніи какъ-будто никогда съ роду не посѣщала. Это точно существа другого міра, точно въ нихъ нѣтъ ничего общаго съ остальнымъ человѣчествомъ... Что за причина такого перерожденія, такой аномаліи въ человѣческихъ отношеніяхъ? Какъ это происходитъ? Какими существенными чертами отличаются подобныя явленія? Къ какимъ результатамъ ведутъ они? Вотъ вопросы, на которые естественнымъ и необходимымъ образомъ наводятъ читатели произведенія г. Достоевскаго... (Соч. Добр., изд. 1862, III, стр. 551).

Да, нравственная высота Достоевскаго, скорбь его о падшихъ людяхъ и искреннее стремленіе поднять ихъ составляютъ лучшую сторону дѣятельности Достоевскаго, такую сторону его дѣятельности, которую признали даже противники его. Всѣ признали его защитникомъ угнетенныхъ и оскорбленныхъ, слабыхъ и беззащитныхъ. Всѣ единогласно признали его искренность, правдивость, смѣлость и прямоту. Всѣ признали, что онъ никогда не позволялъ себѣ сдѣлать съ совѣстью, и потому даже литературные противники его собрались на могилѣ его и устами г. Гайдебурова сказали:

Ни холодъ сѣвера, ни бремя капдаловъ,
 Ни трудъ тяжелый не по силѣ,
 Ни гнѣть страдальческихъ годовъ его души не очерствили.
 Онъ въ узахъ былъ душой свободенъ,
 Онъ сохранилъ сердечный жаръ,
 И былъ великъ и благороденъ
 Его прекрасный, чудный даръ...
 Пускай враги жестокою рукой
 Вѣнецъ съ главы его срываютъ,
 Пусть ложные друзья нечистою хвалой
 Его прекрасный образъ оскверняютъ.
 Мы знать ихъ не хотимъ! до нихъ намъ дѣла нѣтъ!
 Мы знаемъ лишь его великій геній,
 Предъ *нимъ* склоняемъ мы колѣни,
 Ему несемъ горячій нашъ привѣтъ.
 И если есть еще на свѣтѣ право,—
 Да будетъ святъ намъ этотъ прахъ,
 И если дорого для насъ родная слава,—
 Да будетъ это имя на устахъ!

Среди борьбы, среди временъ обломковъ
 Оно не тронутымъ пройдетъ изъ вѣка въ вѣкъ,
 И будетъ приговоръ о немъ потомковъ:
 Се человекъ!

Но страсти и вражда не умоляли. Не успѣла еще закрыться его могила, не успѣлъ остыть его еще нестлѣвшій прахъ, какъ слово вражды и озлобленія долетѣло до насъ и омрачило торжественность минуты: не хотѣли даже шапокъ снять надъ могилою его и называли «балаганствомъ» выраженіе сочувствія ему.

И теперь лишь только появились первые, вышедшіе послѣ смерти Достоевскаго журналы, какъ партийный духъ освернилъ ихъ и наложилъ на нихъ свою грязную печать: вмѣсто любви и всепрощенія, въ нихъ замѣтны лишь вражда и озлобленіе. Всего страннѣе то, что такое озлобленіе замѣтно даже въ «солидныхъ» журналахъ. «Вѣстникъ Европы» напр. старается умалить даже значеніе его художественнаго творчества. Литературный обозрѣватель «Вѣстника Европы» въ мартовскомъ номерѣ упрекаетъ Достоевскаго въ излишней самоувѣренности, въ «разсчетѣ бить на эффектъ» и т. д., и т. д.

По мнѣнію обозрѣвателя, Достоевскій постепенно терялъ гуманное направленіе, и «наиболѣе жизненные идеи Вѣланскаго», которыя замѣтилъ въ немъ еще Добролюбовъ.

Обозрѣватель отрицаетъ, что «время ссылокъ имѣло на Достоевскаго благотворное и отрезвляющее вліяніе, и хочетъ видѣть въ этомъ отрезвленіи непременно ретроградное направленіе и возвращеніе къ отсталымъ убѣжденіямъ, хотя самъ сознается, что не знаетъ, въ чемъ состояла переменѣна взглядовъ въ Достоевскомъ. Между тѣмъ всѣмъ извѣстно, что, сблизившись съ народомъ и узнавъ страданія его, самъ испытавъ эти страданія, Достоевскій дѣйствительно отрезвился и понялъ народъ нашъ, понялъ его лучше, чѣмъ прежде понималъ, и пересталъ быть безпочвеннымъ «либераломъ»: онъ рѣзко и прямо примкнулъ къ радикаламъ, и съ тѣхъ поръ эти убѣжденія не покидали его. Достоевскій сталъ народникомъ-демократомъ, т. е. истиннымъ славянофиломъ, и вотъ почему онъ участвовалъ въ журналахъ «Время» и «Эпоха» и не могъ помѣщать своихъ статей въ «либеральныхъ» журналахъ и газетахъ Петербурга. Но Достоевскій никогда не былъ сторонникомъ «достаточности надѣловъ», и потому его славянофильство не компрометировало его; а потому еще болѣе

непонятно, почему такъ много кричать про «отсталость» его. Достоевскій никогда не былъ «отсталымъ» и никогда не приставалъ къ лагерю гасильниковъ русской мысли. Его теорія о «почвѣ» (народѣ) и объ оздоровленіи корней никогда не получала аристократической окраски, а потому онъ всегда былъ истиннымъ демократомъ. Если же онъ потомъ противъ воли попалъ въ «Гражданинъ», то не «Вѣстнику Европы» говорить объ этомъ, ибо онъ знаетъ, что Достоевскому было некуда идти, а кн. Мещерскій давалъ ему полную свободу, и Достоевскій велъ въ его журналъ совершенно самостоятельный «Дневникъ», который нисколько не походилъ (по духу и направленію) на остальные статьи «Гражданина». Аристократизмъ же «Вѣстника Европы» гораздо менѣ либераленъ, чѣмъ демократизмъ Достоевскаго, и мы это докажемъ сейчасъ.

Направленіе «Вѣстника Европы» дѣйствительно либерально, но либерализмъ этотъ самаго аристократическаго свойства. Стоить только вспомнить статьи о землевладѣніи и земледѣліи графа Орлова-Давыдова, со взглядами котораго редація «Вѣстника Европы» солидарна, иначе не стала бы печатать его статей. Видно, крѣпостническій духъ не выдохся у насъ, и представителями его являются иногда даже и «либеральные» солидные публицисты «Вѣстника Европы», которые до сихъ поръ не въ силахъ еще отдѣлаться отъ крѣпостнической закваски. Они, мечтая о всероссийской говорильнѣ, заботятся лишь о счастіи «бѣдныхъ жплетовъ» и нисколько не думаютъ о народѣ; но сознаться въ этомъ не могутъ пока. Поэтому понятно ихъ неудовольствіе по поводу того, что «отсталые» славянофилы оказываются *либеральнѣе* ихъ. Но въ такомъ случаѣ, господа, что впредъ одно: или сознайтесь въ своемъ аристократизмѣ и пристаньте къ лагерю г. Каткова, съ которымъ у васъ были раздоры, вѣроятно, по недоразумѣнію; или признайте заслуги славянофиловъ и постарайтесь не отстать отъ нихъ. А то, отставая отъ нихъ, вы не сдѣлаетесь прогрессивнѣе отъ того, что будете кричать объ отсталости ихъ. Какой-же у васъ либерализмъ, какіе вы прогрессисты, если вы могли помѣщать у себя крѣпостническія статьи графа Орлова-Давыдова («Вѣстникъ Европы», іюнъ, 1873 г.), которыя не только не лучше, но еще хуже статей г. Земледѣльца и Дмитрія Самарина, скомпрометировавшихъ «Русь». Вспомните, что писалось у васъ. Главныя причины высокаго состоянія земледѣлія въ Англіи графъ Орловъ-Давыдовъ видѣлъ въ *распре-*
длѣніи земли между немногими крупными и средними собственни-

ками», въ «соединеніи въ однѣхъ рукахъ поземельной собственности и капитала, и протекающей отъ этого возможности землевладельцевъ довольствоваться умѣренными доходами, не истощающими капитальнаго достоинства земли», въ «стремленіи землевладельцевъ къ сбереженію доброкачественности земли, которую они не обязаны закономъ раздѣлять между своими наследниками, и которую они имѣютъ право завѣщивать въ нераздѣльную собственность одного лица» и т. д., и т. д.

Выводы графа Орлова-Давыдова слѣдующіе: «въ каждомъ государствѣ землевладѣніе должно являться удѣломъ самыхъ богатѣйшихъ людей, и наоборотъ, земледѣліе выпадаетъ на долю бѣднѣйшей части населенія; это существуетъ, какъ общее правило, вездѣ, но у насъ въ Россіи, вслѣдствіе особыхъ условий, въ которыхъ мы находимся, этотъ экономическій законъ еще менѣе допускаетъ исключеній, чѣмъ гдѣ-бы то ни было». (В. Е. іюнь 1873, 844 страница). Это-ли не языкъ Дмитрія Самарина и г. Земледѣльца. Чѣмъ гр. Орловъ-Давыдовъ либеральнѣе и прогрессивнѣе г. Земледѣльца или г. Дмитрія Самарина? Развѣ графъ Орловъ не болѣе ихъ баричъ и крѣпостникъ? Онъ на 845 и 846-ой страницахъ прямо говоритъ, что *вся земля должна достаться въ руки немногихъ крупныхъ собственниковъ, баричей, у которыхъ капиталисты могутъ быть арендаторами, а остальная масса народа, по мнѣнію почтеннаго графа, должна превратиться въ голодныхъ, оборванныхъ, безпомощныхъ пролетаріевъ-батраковъ, которые должны-бы тогда, на подобіе ирландцевъ, тяжелымъ физическимъ трудомъ добывать себѣ кусокъ хлѣба, а при малѣйшемъ неудовольствіи барина, или арендатора-капиталиста, могли-бы быть вынаты на улицу съ своими женами и дѣтьми...*

Но довольно пока о «Вѣстникѣ Европы» и о его аристократическихъ либералахъ. Если они осмѣливаются Достоевскаго упрекать въ «ретроградствѣ» (!?) и въ отсталости, то подобное отношеніе къ нему только насмѣшить однихъ и возмутить другихъ. Вѣдь фарисей тоже брались судить о Христѣ, а свѣтскіе дэнди нашего времени тоже считаютъ себя либеральнѣе и прогрессивнѣе древнихъ грековъ, ибо живутъ послѣ нихъ и вкусили отъ болѣе утонченныхъ плодовъ цивилизаціи. Таковы и либералы «Вѣстника Европы» и другихъ «органовъ печати, не появившіе Достоевскаго и не могушіе его понять.

Но обозрѣвателю «Вѣстника Европы» скажемъ еще послѣднее

слово. Онъ говоритъ, что письмо г. Кавелина осталось безъ отвѣта со стороны Достоевскаго. Это неправда: Достоевскій въ своемъ послѣднемъ выпускѣ «Дневника» разбиваетъ всѣ доводы г. Кавелина, но только не называетъ послѣдняго по имени. Предлагаемый трудъ нашъ служить новымъ отвѣтомъ г. Кавелину. Безпристрастный читатель, прочтя этотъ отвѣтъ, увидитъ, насколько были основательны доводы противниковъ Достоевскаго.

Теперь обратимся къ «радикальнымъ» противникамъ Достоевскаго, или, вѣрнѣе, къ тѣмъ изъ нихъ, которые корчатъ изъ себя радикаловъ.

Изъ всѣхъ этихъ мнимыхъ «радикаловъ» самыми смѣлыми являются «радикалы» покойнаго «Дѣла» и «Отечественныхъ Записокъ». Про радикаловъ покойнаго «Дѣла», сирѣчь прислужниковъ г. Благосвѣтлова, и куры не клевали. Теперь они скрылись невѣдомо куда, а новая редакція «Дѣла» ничѣмъ себя еще не заявила, хотя безпристрастія (судя по началу) можно ожидать больше. Но литературные фокусники «Отечественныхъ Записокъ», приставшіе къ хвосту г. Щедрина, по своей беззастѣнчивой лживости и партіозности, достойны нѣкотораго вниманія съ нашей стороны.

Наше время—добродушное время, и мы скоро со всѣмъ сживаемся. Было время, когда и Добролюбовъ не удовлетворялъ насъ, и мы пскали чего-то высшаго, какихъ-то глаголовъ истины и могучихъ провозвѣстниковъ новыхъ ученій. Но умеръ Добролюбовъ, и мы сами упали, и вкусы у насъ значительно понизились. Явился Писаревъ, и бойкій и талантливый мальчикъ, недоучившійся и недодумывавшійся, сталъ руководить общественнымъ мнѣніемъ. Общество наше обрадовалось этому мальчику, и многіе даже увлекались имъ. Писаревъ проповѣдничалъ, проповѣдничалъ, самъ себя побивалъ и ловилъ на каждомъ шагѣ (въ спорѣ съ г. Антоновичемъ), и все не смущался, а поклонники вторили ему.

Писаревъ иногда продѣлывалъ удивительныя вещи: онъ напр. объ «Отпахъ и дѣтяхъ» г. Тургенева два раза высказывалъ—діаметрально противоположныя воззрѣнія («Базаровъ» и «Реалисты»). Любопытному читателю совѣтую возобновить въ памяти эту курьезную полемику и прочесть вновь статьи этого времени г. Посторонняго Сатирика (г. Антоновича), помѣщенныя въ «Современникѣ». Но наконецъ г. Писаревъ договорился до самыхъ невѣроятныхъ абсурдовъ.—до отрицанія идеаловъ, искусства и т. д., и вообразилъ, что это-то и есть—«реализмъ». Крайнимъ предѣломъ его абсурдовъ

было мнѣніе, что «сапоги выше Шекспира». Но общество переносило все это и даже восхищалось имъ, а нѣкоторые, въ наивности души, въ самомъ дѣлѣ подумали, что Писаревъ превзошелъ Добролюбова и Бѣланскаго, и пошелъ дальше ихъ по пути прогрессивныхъ воззрѣній. Его неумѣлыя компиляціи, его самоувѣренное невѣжество—все сходило ему съ рукъ, все прощала ему наша снисходительная публика. Но умеръ Писаревъ, и общество наше упало еще ниже. Писаревъ все-таки обладалъ талантомъ, живостью и бойкостью изложения, искреннимъ увлеченіемъ и нѣкоторымъ юношескимъ задоромъ, но у теперешнихъ зонловъ и того уже нѣтъ.

Со смертію Писарева исчезли послѣдніе мотивы пробудившейся было русской мысли. Явились бездарности и компиляторы, попугаи и обезьяны, и русская мысль спѣла надолго свою послѣднюю лебединую пѣснь. Божьи коровки и крыловскія лягушки заполонили литературу, и душно стало, и тяжело было дышать въ этой смрадной атмосферѣ самолюбиваго эгоизма и тщеславной бездарности. Великіе «философы» и фельетонисты—все смѣшалось въ одну кучу и надо всѣмъ царилъ всемогущій девизъ: «спасайся кто можетъ». И спасались иные, удалясь отъ свернаго, и опустѣла русская публицистика. Она стала опускаться все ниже и ниже, и по мѣрѣ того и требованія публики все понижались и наконецъ дошли до невѣроятнаго minimum'a... наконецъ мы дошли до того, что стали довольствоваться г-ми Скабичевскими, Михайловскими, Златовратскими и тому подобными ничтожествами, которыхъ г-нъ Щедринъ только пзъ жалости держать въ своемъ хвостѣ.

Пора намъ опомниться и призвать на помощь тѣхъ, кто дѣйствительно можетъ поднять насъ, т. е. славянофиловъ.

Славянофильство не умерло и не умретъ никогда. Духъ его живетъ въ русскихъ людяхъ и поддерживаетъ ихъ въ минуты нравственнаго паденія и кризиса. Славянофильство не есть «устарѣвшее» народничество, которое можетъ быть замѣнено новымъ, какъ утверждаетъ г-нъ Златовратскій. Нѣтъ! славянофильство есть единственное народничество, возможное у насъ, и единственно отвѣчаетъ требованіямъ народнаго духа и общественнаго самосознанія. Интеллигентные славянофилы—единственные радикалы, могущіе сказать про себя: «мы не только за народъ, но и съ народомъ». Да! А другіе народники тоже стоятъ за народъ, да народъ-то ихъ не хочетъ признавать. А вѣдь нельзя же насильно быть милымъ. Это во-первыхъ; а

во-вторыхъ, пусть г-нъ Златовратскій и ему подобные публицисты не думаютъ, что *либеральное* и *радикальное* славянофильство ничѣмъ не отличается отъ западническаго либерализма и радикализма. Радикализмъ «Русской Мысли» и радикализмъ «Отечественныхъ Записокъ» далеко не тождественны. Славянофильская программа не исчерпывается программой радикализма: она вмѣщаетъ ее въ себѣ, какъ цѣлое составную часть, но содержитъ еще кромѣ того *національныя* вѣрованія, надежды и стремленія. Истинные славянофилы никогда не переставали и не перестанутъ быть націоналистами, хотя бы ихъ воззрѣнія на народныя интересы ничѣмъ не отличались отъ воззрѣній радикаловъ. Славянофилъ всегда останется славянофиломъ, т. е. патріотомъ и націоналистомъ, не отрекающимся отъ своей народности и вѣрящимъ въ судьбу ея. Однимъ словомъ, славянофилы-прогрессисты не только во внутренней, но и во внѣшней политикѣ, и они защитники не только экономическихъ, но и духовныхъ, національныхъ интересовъ народа, которыхъ западники наши и «либералы» знать не хотятъ. Наши космополиты-радикалы не знаютъ народа и не понимаютъ его: они не понимаютъ его интересовъ и не понимаютъ, какъ дѣйствовать на него; поэтому народъ отвергаетъ ихъ. Славянофильство, т. е. національный радикализмъ, гораздо обширнѣе и глубже космополитическаго, не признающаго національныхъ интересовъ народа, его духовныхъ потребностей и вѣрованій. Объ этомъ мы поговоримъ подробнѣе ниже; а пока скажемъ только, что славянофильство *не* есть ученіе отдѣльнаго кружка, или партіи, а есть ученіе всего русскаго народа, всей мыслящей его интеллигенціи, не переставшей быть русскою: оно воплощаетъ въ себѣ историческую идею нашего народа и программу его будущей дѣятельности. Славянофильство есть нашъ русскій націонализмъ, наше историческое народничество, которое народъ признаетъ своимъ. Славянофильство нисколько не исключаетъ радикализма, но и не поглощается имъ. Истинные славянофилы (демократы) всегда радикалы, но не космополитическіе радикалы. Они не отрекаются отъ національности своей и не перестаютъ быть русскими по своимъ вѣрованіямъ, надеждамъ и чаяніямъ, не теряютъ любви къ родинѣ и не дѣлаются ренегатами и предателями. Но такъ какъ всѣ истинные славянофилы (демократы) были всегда радикалами, то, собственно говоря, никакого измѣненія въ ихъ ученіи и направленіи не произошло, а отдѣльные славянофильствующіе писатели не мо-

гутъ ни поднять, ни уронить славянофильство, ибо оно вѣчно оно не осквернится какъ ложными друзьями (вродѣ г. Земледѣльца), такъ и врагами, клеветующими на него. Славянофильство стремится возвысить и облагородить современнѣй радикализмъ нравственными принципами Христа и Канта. Оно расширяетъ нашъ умственный кругозоръ и возвышаетъ нашъ духъ; оно признаетъ духовныя нужды нашего народа, его надежды, вѣрованія и историческую судьбу его. Поэтому славянофильство несокрушимо и стоитъ на твердой почвѣ. Оно переживаетъ всѣ остальные ученія и останется твердо, какъ скала, во время народныхъ буръ и волненій.

Поэтому-то такъ живуче славянофильство и такъ соответствуетъ оно потребностямъ русскаго общества. Не смотря на отчаянное сопротивление западниковъ и космополитовъ, оно пробиваетъ себѣ дорогу, и скоро лучъ свѣта засіяетъ въ темномъ царствѣ. Славянофилы могли лишь на время умолкнуть и пританься, но теперь снова раздался ихъ звучной голосъ и снова призываетъ насъ къ жизни и борьбѣ. Проснулась Русь, и дѣти наши, вѣроятно, увидятъ тотъ свѣтъ, зарю котораго мы замѣчаемъ теперь.

Но свѣта еще мало пока, и тѣма сражается съ нимъ.

Прогрессисты раздѣлились на два враждебныхъ лагеря: космополиты сражаются съ славянофилами, раздоры ослабляютъ насъ, и духъ патріотизма падаетъ,—пзвуряясь въ борьбѣ. Но вѣра поддерживаетъ насъ, и мы добьемся, наконецъ, своего торжества. Пока дѣйствительно осмѣивается патріотизмъ, пзвращается славянофильство и вездѣ царствуетъ лишь ложь и клевета. Главные руководители общественнаго мнѣнія—наши толстые журналы «Вѣстникъ Европы» и «Отечественныя Записки»—не стоятъ на высотѣ своего призванія и не удовлетворяютъ стремленіямъ образованнаго общества: они неумѣютъ облагородить и возвысить духъ нашъ, указать намъ исходы культурной тоски и примирить въ насъ внутреннія противорѣчія; они только указываютъ на эти противорѣчія, и разсматриваютъ всѣ вопросы лишь съ одной стороны, а потому свѣта не видно, не даютъ его намъ. Ихъ отношеніе къ славянофильству и Достоевскому весьма характерно и ярко обрисовываетъ ихъ партийный духъ, ихъ узкій, субъективный масштабъ. Справедливость и безпристрастіе исчезли куда-то, и царствуетъ вездѣ лишь ложь и обманъ.

Наши либералы не въ состояніи подняться на высоту своего

призванія, и только тормозятъ дѣло прогресса. Правда, они выше г. Каткова, ибо не отстаиваютъ такъ явно привилегіи меньшинства; но истинный прогрессъ не доступенъ имъ, и они остались въ хвостѣ современнаго движенія. Они обсуждаютъ Достоевскаго и славянофильство съ устарѣлой точки зрѣнія шестидесятихъ годовъ и потому поютъ не въ унисонъ общественному мнѣнію а берутъ фальшивыя ноты. Такими фальшивыми нотами прозвучали статьи о Достоевскомъ обозрѣвателя «Вѣстника Европы», г. Михайловскаго, и профессора Потебня, которые такъ странно отнеслись къ Достоевскому. Правда, газета «Порядокъ» похвалила ихъ, но общество иначе отнеслось къ ихъ односторонней критикѣ и партийному фанатизму. Другіе органы либеральной партіи — «Недѣля», «Русская Мысль», «Историческій Вѣстникъ», «Русская Рѣчь», «Дѣло» и т. д. — совершенно иначе отнеслись къ Достоевскому, а статьи «Русской Мысли» и «Историческаго Вѣстника» какъ бы отвѣчали на нападеніе г-на Михайловскаго.

И такъ, въ виду того, что статьи о Достоевскомъ «Русской Мысли» и «Историческаго Вѣстника» служатъ какъ-бы отвѣтомъ на критику г. Михайловскаго, мы приведемъ выдержки изъ нихъ, чтобы облегчить разъясненіе нашихъ мыслей и ускорить конецъ нашего спора. Статьи эти такъ хорошо выражаютъ то, что надо было сказать, что намъ останется только прибавить къ нимъ нѣсколько словъ.

Вотъ что говоритъ о Достоевскомъ «Русская Мысль» устами г-на А. Ч., котораго, вѣроятно, и г. Михайловскій знаетъ.

«Въ рудникахъ Сибири», говоритъ г-нъ А. Ч., «въ близкомъ общеніи съ злодѣями, съ преступниками, научился онъ (Достоевскій) прислушиваться къ тайнымъ воплямъ страждущихъ. Тамъ онъ научился любить человѣка, — не того святаго и самодовольнаго человѣка, которому легко живется, а того униженнаго и оскорбленнаго, презираемаго и ненавидимаго, который нуждается въ словѣ утѣшенія и оправданія. Тамъ-же узналъ онъ и народъ русскій, и увѣровалъ въ его силу и правду». — Далѣе, объясняя идею, вдохновлявшія Достоевскаго, г. А. Ч. говоритъ: «идея, вдохновлявшая автора, вездѣ одна: вездѣ — защита поправныхъ правъ человѣка, вездѣ — оправданіе согрѣшившимъ и прощеніе падшимъ.... Онъ вѣрилъ въ душу человѣка и въ другихъ поддерживалъ эту вѣру. «Не презирай, не казни, не суди». — Вотъ тема, которую онъ разрабатываетъ неустанно и въ романахъ, и въ «Дневникѣ», и въ жизни. Безпощадно, какъ врачъ, убѣж-